

В сущности, во многих смыслах Зеркало Тунмин было вещью незаменимой. Словно компьютер с бесконечной памятью, оно не нуждалось в сигнале сети для видеосвязи и мгновенно выдавало любую нужную информацию. Более того, многие сведения в его базе относились к будущему — примерно на двадцать лет вперед, как раз до того момента, когда Чжоу Мань оборвал свою прошлую жизнь. Однако, несмотря на все достоинства артефакта, ни Ин Фэйчи, ни сам Чжоу Мань особой симпатии к нему не питали.

Ин Фэйчи раздражало то, что с появлением этой штуковины его ночи превратились в бесконечную зубрежку. За считанные дни он прошел путь от детсадовской программы до первого класса и, судя по всему, меньше чем через неделю должен был взяться за второй. Стремительный прогресс — это, конечно, хорошо, но парню хотелось проводить больше времени с Чжоу Манем.

[Вы и так целыми днями торчите друг у друга перед глазами! Хватит ныть!] — язвительно отозвалось Зеркало.

— Да что ты понимаешь? — Ин Фэйчи присел под кустом канны, с завистью наблюдая, как четвероклассники окружили Чжоу Маня. — Я хочу, чтобы он целовал меня, обнимал... и еще... и еще...

[И еще? Мал ты еще, а мыслишки уже вон какие похабные,] — на поверхности зеркала всплыло изображение. [Хочешь, чтобы он с тобой так же?]

Ин Фэйчи глянул на экран и обомлел: двое мужчин, совершенно нагие, сплелись телами, впившись друг другу в губы. Бедный юный даос, хоть и считал себя начитанным, отродясь не видел ничего подобного. Он вспыхнул до корней волос и с диким воплем подскочил на месте, едва не сбив куст.

Крик переполошил Чжоу Маня. Оставив ученикам задание, он поспешно вышел во двор.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он.

— Это... зеркало дурацкое... — Ин Фэйчи не смел открыть глаз. Он побледнел, а теперь его лицо цветом не уступало алым лепесткам канны. Он заикался, не в силах вымолвить ни слова.

Чжоу Мань поднял артефакт и взглянул на экран. О боги! Там крутилось самое настоящее гей-порно. И хотя страсть к подобным зрелищам порой свойственна взрослым мужчинам, даже сорокалетний старик в теле юноши слегка смутился от столь откровенных кадров. А Зеркало, совершенно потеряв страх, вывело строку:

[Ну как? В свое время мой Высокий Бог нашел это для старого Феникса, боялся, что тот в брачную ночь опозорится. Мой господин говорил, что это шедевр века...]

— Фэйчи, — голос Чжоу Маня оставался спокойным и твердым, несмотря на жар в щеках. — Домашний топор это зеркало не берет, верно? Ты ведь привез с собой какое-нибудь оружие или артефакт?

— Я... я... — Ин Фэйчи метнулся в комнату и вытащил из узла свой старый клинок. — Только этот меч.

Чжоу Мань окинул взглядом ржавую короткую саблю: длиной меньше полутора футов, гарда и ножны намертво прикипели друг к другу. Он взвесил оружие в руке и хладнокровно заметил:

— Ладно, не вынимается и не надо.

С этими словами он замахнулся ржавым острием прямо в зеркальную поверхность.

[А-а-а-а!] — по экрану побежала бесконечная череда криков, заполнив всё пространство. Если бы зеркала умели кричать, крышу школы наверняка бы сорвало.

— Этот меч настолько грозный? — Чжоу Мань искренне удивился такой реакции и машинально постукал обухом клинка по оправе Тунмина.

[Это же меч Чисяо, который потерял Повелитель Ушань! Им же можно шесть миров насквозь проткнуть! Если бы не небесный гром и молнии Богов, сбившие его во время восстания против небес, он бы входил в топ-20 артефактов мироздания! Даже в таком ржавом виде он сотрет любой обычный магический предмет в порошок!] — текст на зеркале летел с бешеной скоростью. [Т_Т Хватит стучать, больно же! Мне десятки тысяч лет, и никто никогда не смел меня бить! О господин... Чжоу Мань! Если он меня проткнет, я никогда не смогу вернуться в Гробницу Богов!]

Увидев, что артефакт пустил в ход смайлики и начал «строить глазки», Чжоу Мань решил сменить гнев на милость. Но авторитет старшего нужно было закрепить.

— Еще раз попытаешься развратить Фэйчи — пеняй на себя. Устрою тебе «семейную порку».

[Больше не посмею...] — если бы Зеркало могло плакать, оно бы сейчас обливалось горячими слезами, признавая вину.

Приструнив непослушный артефакт, Чжоу Мань повернулся к покрасневшему даосу.

— Фэйчи, я знаю, о чем ты грезил эти дни. Но сейчас — нельзя.

— Почему? — Ин Фэйчи широко распахнул глаза, в которых застыло искреннее непонимание.

Чжоу Мань посмотрел на него. Он смотрел с такой нежностью, что в ней хотелось раствориться.

— Потому что ты еще слишком юн. У нас здесь взрослым становятся только в восемнадцать, и только тогда начинают заводить романы. Фэйчи, я хочу, чтобы эти два года ты потратил на то, чтобы получше узнать этот мир. Чтобы понял, с чем нам придется столкнуться, через какие тяготы и лишения пройти. Тебе нужно хорошенько все обдумать. Могут ли сосуществовать в твоей жизни путь культивации и я? Если придется выбирать — сможешь ли ты отказаться от чего-то одного? Любишь ли ты меня на самом деле или это просто привычка и зависимость? Тебе предстоит решить очень многое.

Чжоу Мань сделал паузу, подбирая слова.

— Ты еще слишком мал. Понимаешь, плотское влечение и наслаждение могут одурманить тебя, сбить с пути. Если ты познаешь это слишком рано, то примешь чувственный восторг за истинное счастье, и это исковеркает твое будущее. Я не хочу для тебя такой судьбы. Я хочу, чтобы ты вырос здоровым и сильным человеком. Ты понимаешь?

— Я... — Ин Фэйчи уловил общий смысл, хотя значения пары слов остались для него загадкой. Тем не менее, он уверенно кивнул. — Да.

Чжоу Мань удовлетворенно улыбнулся и погладил его по голове. Голос его звучал мягко и низко:

— Не торопись, думай сколько потребуется. Если в итоге ты выберешь меня, я стану твоим единственным и лучшим спутником жизни. Если же передумаешь — я останусь твоим лучшим братом и другом навсегда. Даже если я стану тебе не нужным, я тебя не покину.

— Этого не случится, — твердо отозвался Ин Фэйчи. — Что бы ни принесло будущее, я никогда не разлюблю тебя и не брошу. Никогда не скажу, что ты мне не нужен.

Чжоу Мань лишь слегка улыбнулся, и он подумал: «Ох, если бы это было правдой». Он еще раз коснулся волос Ин Фэйчи и вернулся в класс — он и так отсутствовал слишком долго, наверняка сорванцы уже разнесли всё помещение.

Ин Фэйчи остался стоять в комнате, невольно коснувшись макушки. Там еще сохранилось тепло руки Чжоу Маня. Ему казалось, что если он прижмет ладонь покрепче, то снова почувствует его прикосновение. Он осознавал, что должен всё взвесить — это был вопрос ответственности перед самим собой и, прежде всего, перед Чжоу Манем. Ни один из них не относился к чувствам легкомысленно: если они отдавали сердце, то ожидали, что это будет на всю жизнь. Всё это он понимал, неясно было лишь одно...

— Эй, Тунмин, — Ин Фэйчи склонился над артефактом. — А что такое «плотское влечение» и «наслаждение»?

[А, ну это...] — Зеркало тут же вознамерилось блеснуть эрудицией. Ему до смерти хотелось заявить: «Это те самые ахи и вздохи из видео, которое я тебе показал, дубина шестнадцатилетняя! Если не дошло, у меня тут есть и древние трактаты вроде „Восемнадцати поз“, и куча современных обучающих материалов, всё разжую и в рот положу». Но, вспомнив про меч Чисяо в руках Чжоу Маня, Тунмин мгновенно струсил. Артефакт лишь безмолвно содрогался от внутреннего крика, не смея вывести на экран ни единого символа.

Что поделать, это был истинный «паралич интерфейса».

— Неужели даже ты не знаешь? — не дождавшись ответа, Ин Фэйчи перешел в режим насмешки. — Тоже мне, «знаток древности и современности». Обычная стекляшка, и ничего более!

«Оскорбляй меня сколько влезет, но не смей задевать мою профессиональную гордость!» — Тунмин, будь у него руки, наверняка бы замахал ими в знак протеста.

[Хм! Просто Чжоу Мань запретил мне просвещать тебя! ґ(ˆ ˆ)ґ Раз не дает мне тебя натаскать, пусть потом не жалуется, когда получит «бревно» в постели! Тоже мне, эстет-переросток!]

Ох, Зеркало, тебе не понять. Ученик, возвращенный своими руками — вот истинное сокровище.

<http://bllate.org/book/17459/1697144>